

Вячеслав Сухарев,
художник, педагог, дизайнер нашего журнала,
он же ведущий рубрики «Художество»
и автор «Сказок дяди Славы»

«ВСТРЕЧИ С КСЕНОФОНТОМ ПЕТРОВИЧЕМ»

Опыт необычного театра

Почему необычного?
Ну, во-первых,
потому, что действие
разворачивается
не перед зрителями,
как в театре, а вокруг
них, заполняя всё
пространство.
Во-вторых, сюда
приходят не «на
спектакль», а в гости
к Ксенофону Петровичу.
А в гостях что?
Правильно, угощение!
А если вместе
с Ксенофонтом
Петровичем отправиться
в «другие эпохи и миры»,
то в путешествии
тем более надо
подкрепиться.
И это, в-третьих.
В-четвёртых, по ходу
действия все участники
обязательно делают
что-то своими руками.
Есть ещё и в-пятых
и в-шестых... Это вы сами
увидите, когда придёте!

Я работаю в детском саду школы Тубельского всего несколько лет, но знаком с этой школой давно. Тут работала моя жена Маша, учились мои дети.

И хотя мы с Машей художники-педагоги, театр всегда был где-то рядом. До такой степени, что дочка Женя стала балериной, а сын Стас – актёром.

Поэтому, наверное, когда мы познакомились с первой Жениной учительницей Татьяной Александровной, Таней, которая так же, как и мы, «болела» театром, он сам собой возник в детском саду. Тем более что школа Тубельского и без нас – то цирк, то театр, то филармония. Представления, спектакли, концерты. Ежегодные лицейские балы – и в школе, и в детском саду.

Мара – Маргарита Фёдоровна Головина, заведующая детским садом – стала нашим «ангелом хранителем». Или, как сейчас принято говорить, – продюсером. Дала место. Помогла материально.

«НА БАЛУ У КСЕНОФОНТА ПЕТРОВИЧА»

Боюсь, за давностью лет, не вспомню всё в хронологическом порядке. Одно точно – это был прошлый век.

Сначала появился Ксенофонт Петрович. Язык не поворачивается назвать его куклой. Ну, да, кукла! Большая. Пожилой господин. Ростом с трёхлетнего ребёнка. Его сшила Таня. Предполагалось, что на один-два спектакля. Точнее, для одной-двух встреч. Говорить

и двигаться Ксенофону Петровичу помогает Маша. Все вместе придумываем действие, какие тексты прозвучат, что будут делать дети. Оформляем пространство.

То, что должно было происходить, нельзя назвать спектаклем. Да и театр наш, строго говоря, не театр. Это пространство, куда мы зовём детей в гости. В первый раз Ксенофонт Петрович пригласил детей после очередного лицейского бала поехать к нему на бал. Не детсадовский, а настоящий бал в Москве начала XIX века.

Дети пришли, но оказалось, что бал не может начаться – темно. Все вместе стали срочно украшать свечи, которыми не стыдно было бы осветить бальный зал. На балу дети танцевали и получили угощение – конфеты и «пирожные» из печенья.

ПОСЛЕ БАЛА. «ГРИГ»

В другой раз, после того как в саду состоялся концерт из произведений Грига, был «Григ», с его злым троллем и гномиками, которые не успевали украсить пещеру, бегали по ней и приговаривали: «Не успеваем, ничего не успеваем». Дети слушали музыку Грига и делали «украшения» для пещеры, чтобы гномикам не влетело от тролля.

Это был единственный спектакль, где главную роль играла музыка, а не поэзия. Чем мы кормили детей на «Григе», не помню. Но что кормили – это точно. Традиция уже тогда почти сложилась.

К концерту из произведений Баха долго готовились. Делали большие цветные декорации и, конечно, сами не успели подготовить спектакль. Эти декорации пригодились потом для «Мемуаров Ксенофонта Петровича». В окне старинного дома появлялась тень бабушки и сцены дуэли молодого Ксенофонта.

ПРОСТРАНСТВО

В те «лихие девяностые» дополнительное образование не уничтожалось, как теперь, а всячески поддерживалось. Две группы (помещения) нашего садика, пятая и шестая, были отданы для занятий. Теперь в них мастерская ИЗО, спортивный зал, зал для оркестра и танцев. Опыты с водой и всякие рукоделия. Кукольный театр и психологи. «Каморка папы Карло», где папа Карло, учитель по труду, мастерит с детьми деревянные игрушки...

В то время наша комната, которая раньше была спальней в шестой группе, могла превратиться в некое **сказочно географическое пространство** лишь на две три недели в году. Тут стояли шкафы с костюмами для садовых праздников. Трёхэтажные кровати набиты какой-то мягкой рухлядью. Книжки. Особенно много книг о шахматах – папа Карло принёс. Два учительских стола. Стеллажи. Какой-то садовый хлам – не очень объёмный, но страшно тяжёлый. Никто не мог объяснить, что это такое, но выбросить нельзя – хлам на балансе. Жираф и слон – практически в натуральную величину...

Перетаскивали всё от стенки к стенке, из угла в угол. Мы договаривались с «соседями» (рукоделием и психологами) о переносе их занятий в другое место и на две недели всё завешивали тряпками, расставляли декорации и отправлялись вместе с детьми в «другие эпохи и миры».

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ЯПОНИЮ»

Где-то в это время состоялось наше первое далёкое путешествие. Начитавшись хокку и танка (они звучали во время спектакля), насмотревшись японских гравюр, мы

отправились в **Японию**. Готовились очень долго.

Сделали **теневого театр** – маленький японский бумажный дом и сад с цветущей сакурой.

Сделали **сад камней** – попросили у психологов их ящик с песком.

Сделали «болото» с бумажными зарослями и бумажными марионетками.

Сделали **две стены японского дома**, в котором мы могли укрыться во время нашего дальнего путешествия.

Там мы делали **свиток** с рисунками и словами на память хозяевам, которые поили нас вкусным **вишнёвым компотом**...

«ТРИ ИСТОЧНИКА, ТРИ СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ»

Так окончательно сложились традиции.

Вот они, три источника, они же три составные части каждого представления:

- это обязательно **путешествие** в пространстве и во времени;
- по ходу путешествия обязательно **работа** – все участники что-то делают своими руками, а потом оставляют на память либо себе, либо Ксенофону Петровичу;
- и третье, но самое главное – в процессе «спектакля» **поеть**. Уго-

ститься чем-нибудь. Дело в том, что дети, став «путешественниками», готовы съесть самое, казалось бы, несъедобное. Когда нет угощения (а такое пару раз случалось), «спектакль» кажется незавершённым. Чего-то вроде бы не хватает.

эти несладкие деликатесы все им достанутся)...

«ДОМ ДЛЯ КСЕНОФОНТА ПЕТРОВИЧА»

Попытались однажды сделать пространство спектакля более-менее мобильным, транспортабельным, чтобы можно было не привязываться к конкретной комнате, а переносить декорации. Построили «дом» для Ксенофонта. Два этажа, библиотека, она же спальня, гостиная, парадная лестница...

Но с компактным вариантом ничего не получилось. Воздуха вокруг не хватило. Атмосферы. Кукольный театр какой-то. Детям жить негде. Только посмотреть и уйти. А нам этого мало.

Нам нужно, чтобы дети пришли и прожили с нами кусочек жизни. Крошечный, но очень насыщенный – событиями, впечатлениями, переживаниями, работой, размышлениями. Для этого действие разворачивается не перед зрителями, как в театре, а вокруг них, заполняя всё пространство комнаты. Они приходят сюда в гости, а не «на спектакль» – вот что для нас важно.

«ВРЕМЕНА ГОДА»

Но этот дом пригодился. С этим домом сделали «зимний спектакль».

У нас как-то так получается, что встречи связаны с временами года. Япония была весной. А как иначе? Не может сакура цвести осенью.

Осенью мы обычно встречаемся с Ксенофонтом Петровичем после лицейской недели. Ведь он бывший лицеист как никак!

Четыре встречи были посвящены рождественским стихам. Это сразу после новогодних праздников.

А этот «зимний спектакль» не должен был быть зимним. Просто задумали столько деталей, что никак не успевали к лицейской неделе подготовить встречу.

Ноябрь прошёл, декабрь... Очень помогли всеобщие и бесконечные зимние каникулы. Кто пить, кто на Багамы или в Египет, а мы – работать каждый день. Никто не отвлекает. Все празднуют.

Доделали. И даже получилось сотворить настоящее чудо...

В этот раз мы долго не могли придумать работу для детей. И только к исходу тёплого бесснежного декабря решили делать снег, чтобы маленький Ксенофонтик мог на санках с горки покататься. И для детей горку приготовили, чтобы они могли прокатиться после завершения работы.

Ксенофонт Петрович читал нам в этот раз **немецкие романтические баллады в переводе Жуковского**.

«ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ. СОН КСЕНОФОНТА ПЕТРОВИЧА»

Отправились мы как-то в Древнюю Грецию.

Культурная жизнь во времена Пушкина была просто переполнена античностью. Дома, мебель, домашняя утварь, платья. Ксенофонт Петрович – кстати, современник Пушкина – пригласил детей на очередную встречу. Он с радостью принял нас в своём кабинете украшенном картинами на античный сюжет, камином, напоминающим древнегреческий храм и макетом триремы... И вдруг задремал в своём кресле – старость не радость. Ему теперь больше двухсот лет. И мы попали к нему в сон!

Маша говорила с детьми языком Гомера в переводе Жуковского и Гнедича: «Все собрались уж светлообутые спутники наши».

Плыли по морю...

Вдруг налетела буря и выбросила нас на берег...

Укрылись от бури в пещере...

Нашли в корзине немного сыра, маслин и лепёшку...

Всё съели и добавки попросили (а Маша-то с Таней надеялись, что

Фото Е. Сухаревой

На первую встречу 19 января шли под проливным дождём. Дети с радостью вспоминали прошлогодний снег и с удовольствием рвали бумажный снег для Ксенофонта. Сделали. Посыпали горку. Ксенофонтик прокатился на санках с горы.

Когда мы вечером возвращались домой, полетели первые «белые мухи», а на следующий день пошёл снег и пролежал до весны, пока мы показывали этот спектакль. Это мы наколдовали зиму в тот год! А иначе, уверяю вас, была бы грязь с осени до весны.

«ДЕНЬ РОЖДЕНЬЯ КСЕНОФОНТА ПЕТРОВИЧА»

Зимой 2008 и 2009 мы сделали своё первое «Рождество». Всё началось с Иосифа Бродского. Многомерное, вселенское пространство рождественских событий открывалось благодаря многомерному, вселенскому языку поэзии Бродского. И мы пошли за ним. Потом уже появились Морис Карем, Борис Пастернак, Саша Черный, Лев Мей... Но Бродский стал для нас «новым Пушкиным». Без него Рождество не получалось.

Теперь каждый раз после Нового года стараемся приглашать на Рождество. Или на день рождения Ксенофонта Петровича. Оказалось, что он родился в рождественский сочельник – 6 января по новому стилю.

В какой-то год попытались сделать встречи с Ксенофонтом Петровичем **регулярными**. Раз в месяц или немного реже. Но получилось, что при значительном увеличении объёма работы на «спектакль» стали попадать очень немногие. С одной стороны, Мара так и просила: побольше работать с шестилетками. Но это шесть спектаклей. Может, чуть больше. По времени – полторы-две недели показов и почти месяц на минимальную переработку пространства и подготовку новой встречи.

Нам стало немного обидно: читаем прекрасные стихотворения, делаем интересную работу, а из восьми групп детского сада прихо-

дят только две, с редкими исключениями. А ведь есть ещё школа. Им тоже хочется показать...

Так мы и не можем нащупать золотой середины.

В 2010 году «Рождественский спектакль» показали больше 60 раз. Приходили и взрослые, и дети, и школа, и детский сад. Друзей приглашали. Приходят люди самого разного возраста. И начальная школа, и выпускники. Вместе на ковре сидят и груднички у мам на руках, и бабушки-дедушки с внуками. Никто не остаётся равнодушным. Язык настоящей поэзии универсален. Он

понятен всем людям с живой душой независимо от возраста.

Три месяца шли показы, и можно было бы ещё. Но сколько ж можно? Мы ведь не репертуарный театр. Да и «вальдорфцы» (у нас в саду есть и такие), со своим кругом праздников, отмахиваются: «Какое в апреле может быть Рождество?» Мы им говорим: «Это не рождественская ёлка, это ВСТРЕЧА! В день рождения Ксенофонта, шестого января». Но они всё равно не идут.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ

Самое трудное – «разбирать» Комнату после показов перед началом подготовки к следующему «спектаклю». Это только в поговорке: «Ломать не строить. Душа не болит». Ещё как болит. И сомнения одолевают. А вдруг это был последний хороший «спектакль», и больше так не получится? Страшно. Сколько лет работаем, а с каждым годом всё страшнее. Боремся со страхом и продолжаем работать.

Скоро осень. Нас ждут лицейские балы и новые встречи с Ксенофонтом Петровичем. Приезжайте и вы!

Узнать о предстоящих встречах можно на сайте www.ksenofont.suharev.net. Или поискать автора на фейсбуке.

